

Читайте в серии:

ОБМАНУТЬ СУДЬБУ

ИСКУПЛЕНИЕ

ВОЛЧЬЯ ЯГОДА

СЧАСТЬЕ СО ВКУСОМ ПОЛЫНИ

ВЕДЬМИНЫ ТРОПЫ

Элеонора Гильм
ВЕДЬМИНЫ
ТРОПЫ

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г47

Редактор серии *Валерия Горюнова*

Гильм, Элеонора.

Г47 Ведымины тропы : [роман] / Элеонора Гильм. —
Москва : Эксмо, 2025. — 352 с.

ISBN 978-5-04-198036-8

Настал год, которого боялась Аксинья Ветер. Перемены врываються в ее жизнь. Степан Строганов уезжает в Москву за молодой невестой. Покинутая, Аксинья пытается обрести успокоение в любимых дочках. Но тщетно.

Ее обвиняют в колдовстве и душегубстве. Та, что ходит ведьмиными тропами, окажется перед лицом смерти.

Сможет ли Аксинья Ветер одолеть невзгоды?

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Гильм Э., 2024

© Оформление.

ISBN 978-5-04-198036-8

ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Пролог

Мужчина стоял на берегу речки и глядел на мелкую рябь. Борода его была сизой, спина согбенной, одежда потрепанной, точно шел издалека. Он казался спокойным, почти равнодушным, но Аксинья замерла в великом страхе. Встретив на улице, прошла бы мимо, но здесь, в укромном месте, где зародилась их нежность, она была обречена узнать его.

Отчего-то она подумала про нож или иное оружие, поглядела на свои руки. Они тряслись и казались чужими. Гладкие, белые, молодые, словно Аксинье кто-то вернул молодость.

— Пойдешь со мной? — спросил мужчина, не поворачиваясь, и она вдруг увидела, что в деснице его что-то есть.

— Я тут останусь. — Голос Аксиньи звучал спокойно, а сама все оглядывалась: палку бы найти крепкую, чтобы не сломалась в руках.

— Если не ты, тогда она пойдет, — ответил он и наконец поворотил лицо.

Темные, дикие глаза горели огнем, да не только гнева — углядела что-то еще. Лицо его на миг стало лицом того, кого любила: сочные губы с улыбкой, ласка во взоре.

— Кто? — молвила Аксинья тихо, а он уже тряс тем неясным, что зажато было в его руке. Крохотная лес-

ная птаха с кровавым пятнышком на груди пыталась вырваться, трепыхала крыльями, но мужчина крепко держал ее за тонкие, словно соломинки, лапы.

— Дай обниму на прощание, — еще ласковей сказал он.

Аксинья стояла недвижима, а он слишком быстро для хромца оказался с ней рядом, наклонился, языком вторгся в ее уста, сжал ее спину, точно железными руками. Она же, словно околдованная, и слова не сказала против, даже когда он поднес птаху близко и крылья коснулись ее губ. И захохотал, снова обратившись в черного волка, что рвал ее острыми зубами.

ГЛАВА 1

УЗНИК

1. Тьма

Вечная непроглядная темнота издевалась над русскими, вторгшимися в ее владения. Невозможно было привыкнуть, смириться, признать эту темноту творением божьим. Можно было лишь подчиниться, словно властной хозяйке, что отказывает незванным гостям в тусклом огоньке лучины.

Как поверить, что нет ничего иного, кроме ночи, лишь на полтора часа допускающей день до изголодавшихся по свету людишек; ничего, кроме бескрайней снежной пустыни, где выжить может лишь исконный обитатель, а русским остается лишь уповать на милость Божью?

- Ушли ироды, можно говорить.
- А этот?
- Да он спит, ишь, сопит как... Не услышит.
- Что ты решил-то, а?
- Снег сойдет — и пора...
- Припасы нужны, без них — смерть.
- Утащим. Кое-что уже припрятал.
- А ежели кто из казаков смекнет?
- Сам знаешь, что сделаем.

Двое мужичков шептались, сблизив стриженные лопухие головы. Когда тот, кто скорчился под тощим одеялом, заворочался, они испуганно вытянули шеи и прекратили разговор.

Человек думает, что самое важное — честь, достоинство, достаток, семейное счастье. Но уверен в том лишь до поры, пока не откроется ему изнанка жизни. Человек — то же животное. Тварь божья. Сова, соболь, червь, мошка-кровосос, по сути, его собратья. Порой они, твари, наделенные особым даром, куда проворнее и умнее человека. Звери могут выжить в тайге без огня и оружия. Пеляди всю жизнь свою проводят в ледяных водах Полуя. Блоха сосет кровь да пот собаки, тем и счастлива.

Человек в скотских условиях живет — кряхтит, пыжится, но честь и достоинство быстро покидают его. Остается лишь желание выспаться, насытить утробу, остаться в тепле. И все.

Мужчина растянулся на твердых, словно лед, полах. Он не спал. В голове не прекращалась работа ни на час, кроме ночного сна. Повторял слова, услышанные случайно, переключившись доводы из одной кучи в другую, воровался, сипел, обвинял и оправдывал.

Беседа с самим собой, между совестью и яростью, разумом и желаниями порой истощает нас больше, чем спор с врагом. Недруг может замолчать, уйти, забыть о разногласиях, умереть, в конце концов. А голос, живущий внутри души нашей, неистовствует порой и день и ночь. Кричим ему: «Замолкни, окаянный!», а голос все колотит и колотит молотом по наковальне. Не отыскать убежища и внутри себя.

Вернулись казаки. Громко хаяли березовского воеводу, по чьей милости застряли в непроглядной глуши. Спорили, кто из самоедов¹ раньше пожалует с данью. Обсуждали, как заставить главу зырянского рода Обаку уплатить две дюжины шкурок сверх меры.

¹ Самоеды — русское название уральских и сибирских народов; здесь речь идет о ненцах и хантах.

Их разговоры сотрясали хлипкую избу, перекатывались от стены к стене, рвались наружу. Скоро на смену ругательствам и жалобам пришел храп.

А мужик ворочался, будто медведь в берлоге, звенел кандалами. Думы превращали тело его в сосуд беспокойства и нетерпения. Левая рука вспомнила о давно забытом, боль разлилась по пальцам, обвила запястье, поползла вверх, свернулась у плеча и стала давить на кости. В утробе, где-то у солнечного сплетения, зарождался хрип — его давний недруг. Мужик застонал, пальцы левой руки ломило, будто кто-то наступил каблуком, кандалы сдавили усталые ноги.

Заснули не все.

— Басурман, тише давай! — кто-то из казаков грубо окрикнул его.

— Щас на улицу выгонят, сразу угомонишься, — ехидно поддержал один из лопоухих.

— Цыц, псы! — гаркнул десятник Втор Меченый. И разговоры утихли.

Зима 1610 года была студеной и вьюжной, завывание ветра навевало ужас. Только скудное пространство Обдорска могло свести в одном доме стражников и заключенных. Изба, узкая, с низким потолком и скудным убранством, вмещала в зимние месяцы казаков, десятника и троих воров¹.

Стол — широкая доска на двух чурбанах, лавка, полати, наспех сложенная печь, которая чихала и дымила. Полторы дюжины мужиков с дурными характерами и дурными запахами ютились, ругались, ненавидели, выживали.

Узник встал, ударился головой — полати располагались в аршине² от потолка, там сберегалось драгоценное

¹ В XVII веке ворами называли тех, кто совершил любое уголовное или политическое преступление.

² А р ш и н — русская мера длины, 88,6 см.

тепло. Он тихо и беззлобно выругался. Есть среди холода и людской грязи тот, от кого можно получить добрый совет.

Завтра надобно сходить к отцу Димитрию.

* * *

Втор Меченый заставлял людей работать. В любой мороз всяк должен был заниматься делом. Воры убирали избу, чистили двор и отхожее место, выполняли всю грязную работу. Ежели справлялись хорошо, десятник был доволен, на ночь с них снимали опостылевшие кандалы.

Казаки по очереди наблюдали за окрестностями через окна невысокой башни. Раз-два в месяц являлись посланники от старейшин остяков и самоедов, привозили оленину или, напротив, просили о подмоге.

Казаки часто ходили на промысел. Порой хозяйка обдорской снежной пустыни благоволила к ним: позволяла добыть птицу иль зверя. Счастливые приносили обледеневшие тушки куропаток, зайцев, ежели повезло, северного оленя.

Латали покосившуюся избу на сваях; невысокий оплот, наспех сколоченный несколько лет назад; следили за порядком. Изба с оплотом вместе именовались Обдорским острогом. Да только именовались — на деле защитить вряд ли кого могли. А самое главное занятие казаков состояло в том, чтобы проклинать бесконечную зиму и мечтать о теплой грудастой бабе под боком.

Отец Димитрий проводил службы в любой мороз, когда в щелястой церкви застывало дыхание и очаг обогревал лишь тех, кто ютился рядом. Священник врачевал и наставлял на путь истинный, мирил и ободрял. Любого язычника или утратившего веру такой пастырь вдохновил бы на крещение.

Десятник кривил губу под длинными усами:

— Отец Митрий, следующей весной снарядим тебя к самояди. Будешь нести слово Божие. А там, глядишь, и ясак¹ потечет речкой, крещеные инородцы куда сговорчивее будут.

Отец Димитрий кивал ему кротко, крестился и возносил глаза к небу.

* * *

Наспех выхлебав овсяное варево, заправленное оленьей требухой, Басурман вызвался отнести миску священнику. Меченый пнул его для острастки, выругался сквозь усы, помянув отца Димитрия похабным словом:

— Попишка б не корчил из себя незнамо кого-перекого... Да к нам шел есть, за стол. Отправили мне на беду святошу! Иди, Басурман, да не опрокинь, а то кнута изведашь.

Басурман осторожно взял миску, стараясь не расплескать ни капли, с одной рукой это было непросто. Меченый выставил сапог, обшитый по местному обычаю оленьим мехом, глумливо смотрел, как Басурман пытается его обойти, и все же пнул вновь. Тот зашатался, миска накренилась, казаки замерли — то-то забава! Но Басурман удержался на ногах. И вышел наружу, сопровождаемый мужским гоготом.

Небольшая церковь примыкала одной стеной к амбарам, другой — к жилой избе, и далеко идти не пришлось. Он согнулся в три погибели, поклонился кресту и ликам святых, покрутил головой.

— Отец Димитрий... Отец Димитрий! — сначала шепотом, потом все громче повторял он, словно священник мог прятаться от назойливой паствы.

¹ Я с а к — дань, которую собирали с присоединенных народов Поволжья, Урала и Сибири.

Все убранство Васильевской церкви Обдорского острога составлял алтарь, четыре лавки, сдвинутые к стене, грубо сколоченный сундук, где хранилось облачение, четки, Библия да очаг, сложенный по местному обычаю из камней.

Глубокая миска с похлебкой согревала обмороженные пальцы, от нее шел мясной манящий дух. Полуголодная утроба отозвалась натужным гулом. Казаки ели до сытой икоты, пока была снедь, а вора́м разрешалось насытиться лишь на праздники да по прихоти десятника.

Басурман глотал слюну, отворачивался от похлебки, пытался забить голову чем-то другим. Как назло, отец Димитрий не появлялся долго.

— Гриня, давно ль ждешь меня? — Звучный, высокий голос священника раздался прямо над ухом, и Басурман вздрогнул, стряхивая с себя болезненную дремоту.

— Отец Димитрий, прошу, зови меня, как все, Басурманом. Так привычнее.

Священник бережно опустил на земляной пол две охапки веток — видно, резал кустарник, что в изобилии рос на берегу реки. Он все делал неторопко, с чувством, успокаивал одним своим присутствием.

— Нехристианским прозвищем не подобает человека звать. Супротивно слову Божиему, — вздохнул отец Димитрий.

Он опустился на колени перед очагом, раздул угли, подбросил ветки, те неохотно занялись — промерзли за зимние месяцы. Басурман сел рядом, поставил на огонь глиняную миску. Скоро варево пошло пузырями, впитав благостное тепло. Отец Димитрий вытащил из сундука две ложки, обтер их краем одеяния.

— Держи, — протянул одну Басурману, а тот не смог отказаться.

Поблагодарив Бога за пищу, дарованную им, дальше ели в полном молчании. Не желая уходить от огня, они устроились возле очага, скрестили ноги, словно татары.

— Ты ешь, я вижу, что голодный. — Священник кинул свою ложку на лавку и отдал миску гостю.

— А как же?..

— А я сыт иным.

Отец Димитрий отвернулся, словно испытывал стыд за ту жадность, с которой Басурман хлебал варево. Голодный не только соскреб ложкой все до капли, он вылизал миску, словно щенок, и лишь тогда замер в блаженной сытости.

Священник нарушил молчание спустя время, когда ветки уже прогорели и холод подобрался к ним, всегда готовый к нападению.

— Ты расскажи мне, Гриня, потешь сердце.

— Да... Все, все, что мог, рассказал. Память моя после болезни худая стала, дырявая.

— Расскажи про пост ихний, Рамадан.

Отец Димитрий замер, словно ящерица, гревшаяся на солнце.

«Где оно, то солнце?» — вздохнул Басурман. Кажется, навсегда оно исчезло, проглоченное зимой-шайтаном.

— У них весной пост. Он отличается от нашего, целый месяц после восхода солнца нельзя есть, пить да... — он замылся, но отец Димитрий ласково улыбнулся, и Басурман продолжил: — с женой дело иметь. А ночью можно. Молиться, помогать больным и голодным. Хозяин мой, Абляз-ага, мужик хитрый и мерзопакостный, однако ж Рамадан соблюдал истово. Шестьдесят человек за ночь кормили в его доме... Их священники говорят: «Тому, кто во время Рамадана будет поститься с верой и надеждой на награду Аллаха, простятся его прежние грехи».

— Ты принял веру магометанскую?

Вопрос священника застал его врасплох. Столько меж ними говорено: про Крым, про неволю и бегство оттуда.

Он помотал головой, словно лживое слово стало бы большим грехом.

— Молись, — вздохнул священник. Все прочел в его душе.

Басурман сбивчиво говорил о том, что иначе бы не выжил, что поменял веру лишь для виду, а сам хранил православие, что каялся и исповедовался. Оба знали: лжет. И с каждым словом ложь его все медленнее стелилась по промерзшей земле.

Григорию всегда казалось, что вера призвана помогать слабым. Здесь, в Обдорском остроге, калечный кузнец стал таким — больным, немощным, зависящим от расположения доброго священника.

— Я буду... буду молиться, — повторял Григорий и потом захлебнулся кашлем, лающим, глубоким, разрывающим нутро, и, не в силах с ним бороться, повалился на холодный земляной пол.

— Ты воды попей, — ласково сказал отец Димитрий. — Бог простит тебя, Гриня, ежели ты раскаиваешься.

Потом узник хлебал из деревянной кружки. Здесь, в Обдорске, растопленная из голубого снега или принесенная с Оби, вода имела совсем другой вкус. Чистый, чуть сладкий, словно березовый сок.

— Отец Димитрий, не пойму я тебя, — наконец обрел дар речи Григорий.

— А что понимать-то?

— Разговоры всякие ведешь, про иноверцев слушаешь, епитимьей не грозишь. О прощении говоришь.

— А кому ж еще говорить о прощении? Гриня, Гриня... — Отец Димитрий светло улыбнулся, хотя чему тут было радоваться-то? — Тебе пора возвращаться.

Григорий зашел в избу, в шумную, смрадную тесноту. С превеликой радостью остался бы он в холодном обиталище отца Димитрия. Ни разу в жизни не ощущал он такой благодарности, рвущейся из сердца.

Закрылся худой, изорванной в клочья рогожей. В избе горел очаг, но дрожь не отпускала его. И воспоминания о том, что свершилось за последние убогие годы.

* * *

По милости проклятой жены Аксиньки, согрешившей с богачом, Григория подвергли суровому наказанию — свыше той меры, которую обещал закон земли русской.

— Око за око, зуб за зуб — мера из Ветхого Завета. Но сейчас Господь и закон милосерднее к людям, — сокрушался отец Димитрий, когда слушал о его злоключениях.

По воле богачей отсекли Григорию левую кисть, отправили подальше от жены-потаскухи. Еще в Солекамском остроге в Григория вцепилась чахотка, кашель сотрясал нутро, плоть то плавилась, то обжигала холодом.

В июне 1607 года вниз по Каме на Чердынь, отсюда вверх по Вишере до Камня, через Камень до Тобола, а оттуда вниз на Иртыш да на Обь — так Григорий и еще дюжина бедолаг добирались в Березов. Путь был голоден, многотруден и маетен. Ноги стыли от речной водицы, спина извела плетей, в сердце осталась одна злоба. На последнем волоке больных тащили на себе товарищи, Григорий и двое хворых не видели уже границы между явью и сном, говорили бессвязные речи.

Кочи уткнулись носами в берег, казаки и воры грелись у костра на берегу, а Григорий жаловался Ульянке на загубленную жизнь, пытался разговорить Тошку, темноглазого сына, наказывал плетью гулящую жену, сталкивал ее в воду — и тут же целовал в медовые уста, прижимал к себе, шептал: «Моя, моя, не отдам Степке».